

АВТОРИЗАЦИОННЫЕ И МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Г.И. Кустова, galinak03@gmail.com

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается материал, который в традиционных грамматиках относится к вводным словам и предложениям. Показано, что разные типы и формы вводных слов являются результатом действия двух разных стратегий. Первая стратегия – понижение статуса матричного предиката и превращение его в служебный показатель модальности (неассертивности): *Я думаю, что он обиделся – Он, я думаю (≈ наверное), обиделся*. Такие показатели могут быть неизменяемыми, адвербиальными (*по-видимому, скорее всего*), а могут быть глагольными формами: *думаю* = 1-е лицо; *думаешь* = 2-е лицо. Тогда они выражают не только модальность, но и авторизацию: *Он, думаю, придет* vs. *Он, думаешь, придет?* Вторая стратегия – контаминация двух высказываний: утверждения (сообщения) говорящего и манипулятива, который может иметь вопросительную экспрессивную интонацию и выполняет функцию воздействия на адресата: *Веришь* [?], *газеты некогда читать* [НКРЯ]. Если такой манипулятив оказывается в конце предложения, возникает пунктуационный конфликт – ставится знак «?», хотя предложение является утвердительным: *Отказался парень с нами ехать, представляешь?* [НКРЯ]. В функции манипулятива употребляются глагольные формы 2-го лица *веришь, представляешь, знаешь, понимаешь*, но невозможна форма *думаешь*.

Ключевые слова: вводные конструкции, ментальные глаголы, говорящий, адресат, авторизация, манипулятив

Для цитирования: Кустова Г.И. Авторизационные и манипулятивные вводные конструкции // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 45–52. DOI: 10.14529/ling250205

Original article
DOI: 10.14529/ling250205

AUTHORIZATION AND MANIPULATIVE PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS

G.I. Kustova, galinak03@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses material that in traditional grammars refers to parenthetical words and sentences. It is shown that different types and forms of parenthetical words are the result of two different strategies. The first strategy lowers the status of the matrix predicate and turns it into an auxiliary indicator of modality (non-assertiveness): *I think he was offended – He, I think (≈ probably), was offended*. Such indicators can be adverbial (*apparently, most likely*), or they can be verbal forms – *dumayu* ('I think') = 1st person; *dumaesh'* ('You think') = 2nd person. The verbal forms express not only modality, but also authorization: *On, dumayu, pridet* ('He, I think, will come') vs. *On, dumaesh', pridet?* ('Do you think he will come?'). The second strategy is the contamination of two constructions: they are the statement (message) of the speaker and the manipulative, which can have an interrogative expressive intonation and has the function of influencing the addressee: *Verish'* [?], *gazety nekogda chitat'* [RNC] ('Do you believe, there is no time to read newspapers'). If such a manipulative appears at the end of a sentence, a punctuation conflict arises – a question mark is placed, although the sentence is affirmative: *Otkazalsya paren' s nami ekhat', predstavlyaesh'?* [RNC] ('The guy refused to go with us, can you imagine?'). 2nd person verbal forms *verish', predstavlyaesh', znaesh', ponimaesh'* ('you believe, imagine, know, understand') are used as manipulatives, but the form *dumaesh'* ('you think') is impossible in this function.

Keywords: parenthetical constructions, mental verbs, speaker, addressee, authorization, manipulative

For citation: Kustova G.I. Authorization and manipulative parenthetical constructions. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2025;22(2):45–52. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250205

Введение

Применительно к материалу, о котором пойдет речь, в литературе используются разные термины: вводные слова и предложения [7, 9, 11, 12], парентетические, метатекстовые конструкции [15–18].

Для единообразия вводные единицы любой структуры (*видимо*; *скорее всего*; *думаю* / *я думаю* / *как я думаю*) будем называть вводными конструкциями (сокращенно – ВК).

Хотя состав ВК довольно пестрый, четко выделяемы предикаты, которые выражают модусные значения. В исходной синтаксической структуре они являются матричными предикатами, подчиняющими клаузу: *Думаю* / *знаю* / *известно*, что он уехал. Получая статус вводных конструкций, что можно рассматривать как понижение в ранге, они продолжают оставаться модальными показателями пропозиции: *Он, я думаю* / *насколько я знаю* / *как известно*, уехал. Некоторые ВК (*возможно* / *думаю* / *кажется*) выражают нереальный статус пропозиции; другие (*знаю* / *помню*) – реальный.

Задача данной работы – показать: 1) как ведут себя разные грамматические формы глаголов в составе ВК; 2) как глаголы в одной и той же форме 2-го лица выполняют разные функции – авторизационную и манипулятивную.

Сразу отметим, что неглагольные формы вводных слов – *наверное*, *вероятно*, *видимо*, *повидимому*, *скорее всего* и под., которые, как и глаголы типа *думаю*, *считаю*, *предполагаю*, выражают предположение, – имеют ограниченные грамматические возможности. Хотя у них есть субъект сознания (термин Е.В. Падучевой [8, с. 263–264]), но это всегда говорящий (или его коррелят в нарративе – повествователь, персонаж); кроме того, для них невозможно варьирование по лицу, числу, времени. Поэтому возможности их употребления и диапазон выражаемых значений существенно уже, чем у глагольных форм, и они будут привлекаться лишь в качестве фона.

Далее речь пойдет главным образом о ВК с личными формами глаголов. Мы рассмотрим два параметра: лицо (1-е, говорящий vs. 2-е, адресат) и время (настоящее vs. прошедшее).

В силу ограниченности объема статьи мы включаем в рассмотрение только ментальные глаголы – мнения (путативные) и знания (фактивные). Основной глагол мнения – *думать*, к нему примыкают *предполагать*, *бояться* ('предполагать негативное'), *надеяться* ('предполагать позитивное'); основной глагол знания – *знать*, в эту группу также входят *понимать*, *помнить*, *догадаться*. В первую очередь нас будут интересовать основные глаголы как максимально контрастные выразители свойств обеих групп; остальные глаголы будут привлекаться эпизодически.

Думать: настоящее vs. прошедшее время

Показатели типа *видимо*, *наверное*, *скорее всего*, *думаю* имеют своим субъектом говорящего и выражают (с теми или иными модификациями) значение предположения, допущения, гипотезы.

ВК *видимо*, *наверное*, *скорее всего* не имеют грамматического показателя времени, но можно считать, что они связаны с синхронной точкой отсчета (моментом речи, настоящим временем). Поэтому в тексте адвербиальные (неизменяемые) показатели *видимо*, *наверное*, *скорее всего* и глагольная форма *думаю* взаимозаменяемы (разумеется, речь не идет о полной эквивалентности, а лишь о приближительном соответствии):

«Прохоров, когда входил в проект, думаю, понимал, где он живет» [«Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011] → *Прохоров, когда входил в проект, видимо / вероятно / наверное, понимал, где он живет.*

Какие-либо изменения в лучшую сторону в этом плане в нашем государстве, думаю, возникнут нескоро [«Дело» (Самара), 2002.07.17] → *Какие-либо изменения в лучшую сторону в этом плане в нашем государстве, видимо, возникнут нескоро.*

– *Что бы вы взяли с собой на необитаемый остров? – Из вещей – топор и рыболовные снасти, коробок спичек на первое время. Вообще я к работе приученный, так что, думаю, не погиб бы* [«Дело» (Самара), 2002.05.03] → *Вообще я к работе приученный, так что, скорее всего, не погиб бы.*

В приведенных примерах ВК употребляются в диалогическом режиме. При изменении диалогического режима на нарративный режим и перемещении наблюдателя в прошлое глагольную форму достаточно заменить на форму прош. времени, однако если в настоящем времени глагольная ВК легко заменяется на адвербиальную (а), то в прошедшем времени это невозможно (б):

(а) *Но этим летом отпуск мой, думаю, продлится недолго* [«Коммерсантъ-Власть», 2000] → *Но этим летом отпуск мой, наверное, продлится недолго.*

(б) *Прошлым летом, думал, отпуск продлится недолго, боялся, отзовут на работу. → *Прошлым летом, наверное, отпуск продлится недолго.*

Таким образом, адвербиальные модальные показатели, взаимозаменяемые с *думаю*, невзаимозаменяемы с *думал*, так как не проецируются в прошедшее время. Зато *думал* в зависимости от содержания пропозиции может заменяться на другие ментальные глаголы с соответствующей семантикой:

Но Юзиф поблагодарил — и бегом в тайгу. Пока бежал, думал, сердце выпрыгнет [Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза (2015)] → *...боялся, сердце выпрыгнет.*

В прошлом году раскидал обветшавшую кровлю, думал, перекрою, да вот... самого накрыло [«Бельские просторы», 2018] → *надеялся, перекрою...*

Если форму *думал* можно считать редуцированным вариантом конструкции *я думал*, то вводное предложение с союзом – *как я думаю*, *как я думал* – не является механическим усложнением

конструкции я *думал*, а выражает некоторую семантическую модификацию:

Основную же роль, *как я думаю*, в моем значении сыграла высокая характеристика, которую дал мне Игорь Евгеньевич [А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)].

Особенность союзных ВК состоит в том, что союз *как* не утрачивает связи с местоимениями образа действия *как* и *так*, т. е. с конструкциями типа *Как вы думаете?*; *Я так думаю* и под., а эти конструкции, в свою очередь, выражают идею выбора варианта ('так или иначе, по-другому'). Вследствие этого ВК с союзом *как* содержат импликацию, что человек обдумывал некоторое суждение и из возможных вариантов пропозиции выбрал именно этот, т. е., в отличие от редуцированных конструкций *думаю* / *думал*, которые часто выражают не просто предположение, а уверенность (– *Почему ты пошел к Пете?* – *Думал, он дома* ≈ 'был практически уверен, исходил из того, что он дома'), конструкция *как я думаю* выражает предположение, гипотезу в собственном смысле.

Противопоставление форм настоящего / прошедшего у глагольных ВК дает возможность выразить еще одну важную группу смыслов (импликаций), связанную с верификацией предположений.

Форма путативного глагола настоящего времени (как матричного, так и в составе ВК) показывает, что пропозиция не верифицирована и остается гипотезой: *Наши друзья, думаю, уже добрались до дома / сегодня не придут* ('не известно, Р или не-Р').

Прошедшее время глагола предположения – как матричного, так и вводного (*я думал*, *Р*) – имеет импликацию, что в момент речи говорящий уже знает, Р или не-Р (иначе он должен по-прежнему употреблять форму настоящего времени *думаю*).

При этом возможны два исхода:

1) *я думал; как я думал* → 'Р не подтвердилось, имело место не-Р':

А я уж испугался, думал, с тобой что случилось [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] → 'не случилось'

Сегодня, наконец, познакомился с румыном Джорджем и спросил, как дела, как работает. Моложавый мужчина моих, как я думал, лет. Оказалось, ему 64 года. Фантастика! [Д.Н. Каралис. Дневник (2000)]

Иногда ситуация, противоположная ожидаемой Р, эксплицирована в самом высказывании:

Спасибо, что ботинки вернули, я думал, украл их у меня [Владимир Спектр. Face Control (2002)].

И вся эта очередь, которая, как я предполагал, пройдет часа за полтора, была им принята буквально за 10 минут [С.Н. Есин. Дневник (2006)].

Оказалось, что там, где, как я думал, мы не имели никакого преимущества, как раз и смогли выиграть [Шамиль Тарпищев. Самый долгий матч (1999)].

Данная импликация распространяется и на 3-е лицо:

Дам тебе, говорит, каравай хлеба, топор и медный казан, а взамен попрошу немножко землицы, которую можно измерить бычьей шкурой. Сколько она земли закроет, та и моя. Засмеялся Баим, согласился, думал, шутит купец: много ли земли накроет шкура даже самого крупного быка? [В.А. Марушин. По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш (2016)] (из дальнейшего повествования выясняется, что Баим ошибался).

2) *как я и думал* → 'Р подтвердилось':

Сам по себе мой визит Лелю, как я и думал, несколько не удивил [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] – 'думал, что не удивит; и действительно, не удивил'.

Знать

Еще больше прагматически и коммуникативно релевантных (но формально не выраженных) смыслов связано с употреблением вводного *знать*.

Употребление глагола *знать*, вообще говоря, должно быть прагматически оправданно, так как если отсутствует показатель нереальной модальности или неутвердительности, то человек по умолчанию сообщает знание. Если говорящий все-таки использует глагол *знать*, особенно в статусе ВК, у него есть специальные прагматические цели.

Например, говорящий хочет подчеркнуть, что обладает неочевидным для других знанием, которое, возможно, сближает его с адресатом или выделяет среди других людей:

Беляев посмотрел на часы: Ты, я знаю, в Ленинград собрался. Мой тебе совет – не возникай [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]

Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Иногда ВК *знаю* используется говорящим, чтобы придать дополнительный вес своим словам, подчеркнуть их достоверность, заслужить доверие адресата:

Вот что, – сказал вдруг директор решительно, – тут вот что надо: тут надо ходатайствовать, чтоб взяли памятник под охрану. Как представляющий ценность. Да, да! Это, я знаю, можно. В Феодосии армянская церковь такая есть, и ее не трогают. И тут на турецких воротах тоже надпись: «Охраняется государством» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

Существует особое употребление формулы *я знаю*: в конце предложения и с утвердительной интонацией. Считается, что вводные конструкции произносятся с «редуцированной» интонацией – пониженным тоном и ускоренным темпом, однако для данной конструкции свойственна ударная, эмфатическая интонация:

Тебя бьют дома, я знаю. Бьют, а? [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

Понимаю, понимаю, начальник, – кивал Мансур, совершенно спокойный. – Ты большой человек, я знаю... [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]

Говорящий хочет установить доверительный контакт с адресатом, особенно это видно в данных примерах, где речь идет о том, что говорящий обладает некоторыми «закрытыми» и / или важными сведениями об адресате.

При этом говорящий показывает, что и для него эта информация значима, в отличие от констатации *насколько я знаю*, где говорящий занимает «отстраненную позицию»: *Насколько я знаю, он большой человек.*

Эмфатическое *я знаю* обычно находится в финальной позиции, но может находиться и в интерпозиции, при этом все равно оставаясь «ударным»:

Для Володи же, я знаю, из всех музыкальных встреч эта была номер один по значимости и по полученному заряду [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

Таким образом, за формально одинаковыми ВК скрываются разные типы с разными функциями; некоторые из них не выделены и не описаны.

Авторизационные и манипулятивные ВК

Глагольные ВК ментальной группы являются не только модальными, маркирующими статус пропозиции, но и **авторизационными** (в литературе их функции обозначаются как «указание на источник сообщения» [9, с. 262]). Основу этой группы составляют формы 1-го л. глагольных предикатов: *думаю, полагаю, помню, знаю* и под., ориентированные на говорящего, т. е. указывающие, что говорящий является автором пропозиции (3-е лицо устроено аналогично и является, как правило, передачей чужого высказывания, ср.: *Сахар, как считают, есть вредно*).

Ментальные предикаты 2-го лица, которые теоретически должны вводить пропозицию адресата, в действительности ведут себя нестандартно. Это связано с особым положением адресата в коммуникативных и ментальных структурах диалога и текста.

Вообще, формы 2-го лица отражают парадоксальную ситуацию, когда говорящий сообщает адресату его, адресата, пропозицию. Это странно, даже если речь идет о физических ситуациях: *Ты идешь по улице; Ты слушаешь музыку*. Ясно, что для прагматически оправданного употребления таких предложений должны быть специальные условия, и это особые речевые акты: *Ты слушаешь слишком громкую музыку, это вредит слуху* (предостережение). Тем более прагматически неуместно и даже абсурдно выглядят предложения, в которых фигурируют ментальные глаголы: содержание сознания адресата известно только самому адресату. Поэтому для уместного употребления ментальных глаголов 2-го лица (как матричных, так и вводных) тем более нужны специальные условия.

Можно выделить две типовые ситуации, когда со стороны говорящего уместно использовать ВК с ментальными глаголами 2-го лица: 1) в режиме напоминания: *Собрание акционеров, как вы знаете / как вы помните, отменено*; 2) в режиме вопроса: *Когда, думаешь, все будет готово? – спросил Лука, помолчав* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)]; *Он, думаешь, согласится нам помочь?* – здесь говорящий запрашивает информацию, которая является мнением, предположением адресата (интересно, что пропозиция, которая должна быть связана с глаголом 2-го лица и, следовательно, с адресатом, в действительности принадлежит говорящему; мы не можем на этом подробно останавливаться, но это важно отметить для дальнейшего изложения).

При этом в большинстве случаев форма вопроса используется в качестве риторического приема, т. е. в манипулятивных целях, – говорящий задает вопрос, чтобы тут же самому на него ответить:

Займы возвращать надо, да еще с процентами. Капиталист – он тебе зачем, думаешь, в долг дает? Узря разводить? Дудки! Чтоб в долг тебя вогнать [И.А. Бродский. Демократия! (1990)];

Чем, думаешь, работа держится? Головой! [Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей (1973)].

Собака, думаешь, сразу домашней была? Да ее сто лет приручали! [М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)].

Подчеркнем, что в «нормальной» функции, т. е. в качестве указания на автора пропозиции, используется преимущественно глагол *думать* (и его менее употребительные ближайшие синонимы – *считать, полагать*: *Он, считаешь, откажется?*). Впрочем, даже в «нормальном» случае об авторизационной функции *думаешь* можно говорить достаточно условно, и связь между пропозицией и адресатом устанавливается не на первом шаге, а в результате описанной выше процедуры (говорящий сам строит пропозицию, помещает ее в модальную рамку вопроса, рассчитывает, что адресат ее «присвоит» и добавит в ответе нужную информацию).

При этом другие ментальные глаголы – *верить, представлять, знать, понимать* – в этой «нормальной» (авторизационной) функции вообще использоваться не могут, ср. **Он, знаешь, уехал?*, **Где, представляешь, он может быть?*, но используются в другой функции – **манипулятивной**.

В литературе выделяется группа вводных слов, которая выражает «значение акцентирования, выделения в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника» [12, § 2221]. Впрочем, в [12] в эту группу включены не только формы 2-го лица *знаешь, понимаешь, представляешь*, но также формы 1-го лица, ср.: *напоминаю, подчеркиваю, скажу вам*, и другие ВК, ср. *так сказать, надо сказать, главное* и под., свойства и поведение ко-

торых существенно отличаются от форм 2-го лица. Но нас интересует другое – отличие авторизационных форм 2-го лица от акцентирующих форм 2-го лица, свойства которых не просто различны, но полностью противоположны.

Прежде всего «акцентирующие» формы не вводят пропозицию адресата (как это ожидается от формы 2-го лица), а «сочетаются» с пропозицией говорящего:

Такие масштабы! Веришь [?], *газеты некогда читать. Новости по дороге ухватываю* [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

Хотя формально такое высказывание похоже на вопрос (*Ты веришь, что мне некогда читать газеты?*), в действительности, говорящий вовсе не интересуется, верит ли адресат, а сообщает некоторый новый (необычный, удивительный, заслуживающий внимания) факт, который может быть интересен адресату.

В других случаях построение грамматически правильного вопроса из материала исходного предложения вообще невозможно:

И я, представляешь [?], *сама в ответ на их аккуратные пожелания разработала схему, максимально для них приятную* [О.А. Славникова. 2017 (2017)].

В приведенных и подобных примерах употребление глагольных форм 2-го лица во вводных конструкциях имеет сугубо риторические функции и призвано воздействовать на сознание адресата, добиться от него определенного восприятия сообщаемого, определенной реакции. Подобные ВК можно называть манипулятивами, но с оговоркой, что такое название не обязательно указывает на «злой умысел» и недобросовестность говорящего. Напротив, использование арсенала средств, о котором идет речь, обычно нужно говорящему для того, чтобы просто привлечь внимание адресата и усилить впечатление (разумеется, «манипулятив» – это рабочее название, не претендующее на статус термина; учитывая «акцентирующие» свойства подобных конструкций, их можно было бы назвать и экспрессивами).

Употребление манипулятивов 2-го лица имеет два режима – вопросительный и невопросительный, – и оба они достаточно парадоксальны с точки зрения соотношения ментального глагола вводной конструкции и пропозиции основного предложения.

Представляешь [?], *я даже одолела все грамматические правила, которые в школе мне не давались!* [«Туризм и образование», 2000.06.15] – подобные высказывания являются, по-видимому, контаминацией двух отдельных речевых актов – сообщения и манипулиativa-вопроса. В отличие от редуцированного модусного показателя, такие показатели никак не могут считаться понижением в ранге матричного ментального предиката 2-го лица, так как автор сообщаемой пропозиции не адресат, а говорящий. Во-вторых, обсуждаемые

манипулятивы употребляются с вопросительно-экспрессивной интонацией. В работе [5] для маркирования этой интонации предложен знак [?]. При этом манипулятивы употребляются в составе повествовательных предложений. Гетерогенность такой контаминированной конструкции, разнородность ее составляющих особенно хорошо видна в парадоксальной и противоречащей общим правилам пунктуации.

В конце повествовательного предложения по правилам русской пунктуации должна стоять точка. И действительно, если манипулятив занимает препозицию или интерпозицию, в конце предложения стоит точка:

Представляешь, паруса хлопают, мачты скрипят, волны о борт бьются, а мы – на экватор... [А.Г. Асмолов. Мечты сбываются (2015)].

Однако если манипулятив занимает финальную позицию, то ставится знак вопроса, отражающий вопросительную интонацию произнесения манипулиativa:

Мама величает Максима Малановича «дорогим гостем». Я здороваюсь с ним за руку, верите? [Геннадий Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013].

Между тем предложение *Я здороваюсь с ним за руку* является повествовательным, и после него должна стоять точка. Таким образом, правила русской пунктуации не предусматривают такого сложного случая, когда в одном высказывании совмещаются и пропозициональное содержание, передаваемое адресату, и средство воздействия на адресата данного типа.

Манипулятивы *знаешь* / *знаете* и *понимаешь* / *понимаете* ведут себя противоречиво и нестандартно не только с пунктуационной, но и с семантической точки зрения.

Они имеют два режима употребления. Первый режим, аналогичный вопросительным *веришь* [?], *представляешь* [?], можно назвать эмфатическим, или вопросительным:

А я, знаешь [?], *не сразу согласился.*

Знаешь [?], *я, пожалуй, к ним не поеду.*

Если в случае *веришь* [?] еще можно считать, что говорящий действительно интересуется, верит ли адресат в сообщаемое, то в данном случае он сообщает адресату информацию, которую тот точно не знает, и употребление фактивного глагола *знаешь* (не важно, в нейтральном или вопросительном режиме) противоречит логике и здравому смыслу.

Ближайшим аналогом такого употребления *знаешь* является «предваряющее» употребление *знаешь*, о котором упоминает Ю.Д. Апресян: *Знаешь, кто на тебя донес?* (см. [1, с. 426]). В таких случаях говорящий не спрашивает, а, напротив, собирается сообщить адресату информацию, которую тот не знает. Но, вообще говоря, можно предположить, что это все-таки вопрос, говорящий проверяет, есть ли у адресата информация, и теорети-

чески адресат может ответить «Знаю». Тем не менее стандартная ситуация употребления такого *знаешь* – сообщение адресату новой информации. Возможно, под влиянием такого «ослабленного» *знаешь* сформировался круг употреблений манипулятива *знаешь / знаете*, когда говорящий сообщает адресату новую, неизвестную информацию, а манипулятив используется для создания атмосферы доверительности: говорящий сообщает личную информацию, о которой, возможно, не знают другие люди, т. е. как бы приглашает, допускает адресата в свою личную сферу.

Использование манипулятива *понимаешь* можно объяснить тем, что, сообщая некоторую важную для себя информацию, говорящий подразумевает, что от адресата потребуются усилия, чтобы вникнуть в суть дела, разобраться в ситуации, поставить себя на место говорящего и т. д. И это действительно соответствует семантике понимания:

Понимаешь [?], очень обидно прозевать вспышку. Ведь сверхновая... [Евгений Велтистов. Победитель невозможного (1975)].

При этом *знаешь (знаете)* и *понимаешь (понимаете)* имеет и другой, не-вопросительный, режим употребления. В таком режиме в конструкции легко употребляется частица *ли*:

– *Всё это, знаете, не ново, – сказал он* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)] *≈ знаете ли*

Я, знаете, имею обыкновение ездить на городском транспорте. [И. Грекова. На испытаниях (1967)] *≈ знаете ли*

Такие употребления можно назвать «назидательными». Впрочем, невопросительные манипулятивы могут употребляться и в бытовых контекстах:

Я тебе, знаешь ли, поверил на слово [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)].

Принципы употребления вопросительных и невопросительных манипулятивов совершенно не изучены, но некоторые тенденции можно проследить даже на небольшом корпусе примеров.

Вопросительный вариант обычно сопровождает сообщение о фактах личной биографии говорящего, важных для него самого, подчеркивает доверительность:

Я месяца два или три пролежался, знаете [?], *легче стало* [Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)].

Не-вопросительный режим обычно связан с сообщением каких-то сведений обобщающего характера. В качестве эксперимента можно использовать материал приведенного примера и преобразовать его в своего рода сентенцию, общее суждение:

При таких нарушениях, знаете [вариант: *знаете ли*], *лучше как следует полечиться, чтобы не было осложнений.*

Иногда в одном тексте рядом могут оказаться оба типа манипулятивов:

«А ты знаешь [?], *я ведь решил не жениться».* *Я говорю: «Да?» Он говорит: «Ну. Посидел так, знаешь, подумал, и решил – да ну этого депутата вместе с его дочками»* [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)].

Впрочем, принципы использования манипулятивов и их интонационного оформления требуют специального исследования.

Заключение

Подведем итоги. Хотя рассмотренные выше манипулятивные конструкции в литературе традиционно включаются в число вводных и действительно внешне выглядят как вводные (не входят в синтаксическую структуру предложения, выделяются пунктуационно), они, очевидно, имеют совершенно другой статус, чем авторизационные. Показательно, что в последние десятилетия в связи с интересом к изучению устной речи появились термины «дискурсивные формулы», «прагматемы», «иллокутивы», «метакоммуникативы», «хезитативы», «прагматические маркеры» (см., в частности, работы [2–4, 10, 13, 14]), которые включают и многие вводные слова (хотя охватывают более широкий круг единиц). Так, в «Мультимедийном словаре коммуникативных маркеров» [6] единицы *думаю, знаешь, представляешь, понимаешь*, в грамматиках и пособиях по пунктуации относимые к вводным словам, квалифицируются как метакоммуникативы и хезитативы.

Очевидно, назрела необходимость пересмотреть состав, семантику и функции конструкций, которые традиционно относят к вводным словам, словосочетаниям и предложениям, с точки зрения современных теоретических представлений о коммуникативных стратегиях и использовании редуцированных единиц разного происхождения в качестве маркеров этих стратегий.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Апресян Ю.Д. Избр. тр.: в 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 405–433.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. вып. В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.

3. Богданова-Бегларян Н.В. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.) / Гл. ред. В.П. Селегей. Вып. 18 (25). М.: РГГУ, 2019. С. 72–85.
4. Иоанесян Е.Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 24–39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39.
5. Кобозева И.М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 539–543.
6. Мультимедийный словарь коммуникативных маркеров (электронный ресурс). www.ord-multimedia-dict.com/
7. Остроумова О.А. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 501 с.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
9. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: ЭКСМО, 2006. 480 с.
10. Рахилина Е.В. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27.
11. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: Моск. междунар. шк. переводчиков, 1994. 400 с.
12. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. М.: Наука, 1980.
13. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
14. Шаронов И.А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6.
15. Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker. *Studies in Language*, 2010, Vol. 34, no 1, pp. 36–74.
16. Parentheticals. Ed. by N. Dehé, Y. Kavalova. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 314 p.
17. Urmson J.O. Parenthetical Verbs // *Philosophy and Ordinary Language*. Ed. Ch.E. Caton. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1963, pp. 220–240. Рус. перевод: Урмсон Дж. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 196–216.
18. Wierzbicka A. Metatekst w tekście // O spójności tekstu. Wrocław: Ossolineum, 1971, p. 105–121. Рус. перевод: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–423.

References

1. Apresyan Yu.D. Problema faktivnosti: znat' i ego sinonimy [The Problem of Factivity: *znat'* 'to Know' and Synonyms]. Apresyan Yu.D. *Izbr. tr.: v 2 t.* [Selected Works], Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, pp. 405–433. (In Russ.)
2. Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu. Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya "Odin rechevoy den": tekushchee sostoyanie i perspektivy [Corpus of the Russian Language of Everyday Communication "One Speech Day": Current State and Prospects]. *Trudy In-ta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyj korpus* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Iss. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development]. Moscow, 2019, pp. 101–110. (in Russ.)
3. Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu., Zaides K.D., Popova T.I. Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom rechevom korpusе: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty [Annotation of Pragmatic Markers in the Russian Speech Corpus: Problems, Searches, Solutions, Results]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam jezhgodnoj mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog" (Moskva, 29 maya – 1 iyun'a 2019)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. According to the Annual International Conference "Dialogue" (Moscow, May 29 – June 1, 2019)]. Iss. 18 (25). Moscow, 2019, pp. 72–85. (in Russ.)
4. Ioanesyan E.R. Diskursivnye formuly, proizvodnye ot propozitsional'nykh predikatov. [Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2022, 11(8), pp. 24–39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39. (In Russ.)
5. Kobozeva I.M. O dvukh tipakh vvodnykh konstruktsey s parenteticheskim glagolom [On Two Types of Constructions with a Parenthetical Verb]. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu A.E. Kibrika* [Typology and Linguistic Theory: from Description to Explanation. For the 60th birthday

of Aleksandr E. Kibrik]. E.V. Rakhilina, Ya.G. Testelet (Eds.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 539–543. (In Russ.)

6. *Mul'timediynyy slovar' kommunikativnykh markerov* [Multimedia dictionary of pragmatic markers] (www.ord-multimedia-dict.com/) (In Russ.)

7. Ostroumova O.A., Frampol' O.D. *Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozhenii. Opyt slovaryaspravochnika* [A Dictionary of Parentheticals. A Working Dictionary]. Moscow, SGU Publ., 2009, 501 p. (In Russ.)

8. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Investigations. Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russ.)

9. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full Academic Handbook]. V.V. Lopatin (Ed.). Moscow, EKSMO Publ., 2006, 480 p. (In Russ.)

10. Rakhilina E.V., Bychkova P.A., Zhukova S.Yu. *Rechevye akty kak lingvisticheskaya kategoriya: diskursivnye formuly* [Speech acts as a linguistic category: discursive formulas]. *Voprosy jazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2021, no. 2, pp. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27. (In Russ.)

11. Rozentall' D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. *Spravochnik po pravopisaniiyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Handbook of Spelling, Pronunciation, and Literary Editing]. Moscow, Moscow International Transl. School Publ., 1994, 400 p. (In Russ.)

12. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar] Vol. 2. N.Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)

13. *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya.* [Everyday Russian Language in Different Social Groups. Collective Monograph]. N.V. Bogdanova-Beglarian (Ed.). St. Petersburg, 2016. 244 p. (In Russ.)

14. Sharonov I.A. Semantic and pragmatic aspects of the description of introductory words and communicatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], 2018, vol. 51, pp. 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6. (In Russ.)

15. Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker. *Studies in Language*, 2010, Vol. 34, no 1, pp. 36–74.

16. *Parentheticals.* Ed. by N. Dehé, Y. Kavalova. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 314 p.

17. Urmson J.O. Parenthetical Verbs. *Philosophy and Ordinary Language*. Ed. Ch.E. Caton. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1963, pp. 220–240.

18. Wierzbicka A. Metatekst w tekscie. *O spójności tekstu*. Wrocław: Ossolineum, 1971, pp. 105–121.

Сведения об авторе

Кустова Галина Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; galinak03@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9404-081X

Information about author

Galina I. Kustova, Doctor of Philology, chief researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; galinak03@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9404-081X

Статья поступила в редакцию 10.02.2025.

The article was submitted 10.02.2025.